

Саморазоблачение Э. Ионеско

«Я питаю несбыточную надежду на вселенскую катастрофу, которая стерла бы всех нас с лица земли. Нам нравятся убийцы. И мы жалеем их жертвы лишь в благодарности за то, что они позволили убивать себя».

«Я не могу сказать, что не испытываю какой-то тайной радости, когда узнаю, что был разрушен Днепродзержинск, что города и заводы России полностью превратились в руины; что уничтожили десятки тысяч поляков, евреев, чехов, сербов; что погибли сотни тысяч немецких солдат. Мне кажется, что всего этого мало.

Пусть разрушится все...».

Эти тирады принадлежат известному французскому драматургу, члену «Академии Бесмертных», основоположнику так называемого «театра абсурда» Эжену Ионеско. Яркий антикоммунист, воинствующий враг гуманизма Ионеско с этаким гурманством смакует слабости и пороки человека, воспевает человеческое ничтожество. Этой своей главной теме посвящена и пьеса «Жажда и голод», идущая сейчас в парижском театре «Одеон». Как и положено авангардистской пьесе, она доверху нагромождена символикой, недомолвками, сексом, невнятицей, всякой чужью, выходящей с головой ницету

философии «короля антиатеатра».

А о чем же пьеса?

Она состоит из нескольких эпизодов. В первом эпизоде герой пьесы Жан страдает от томления (неизвестно от чего) в сырой комнате. Посередине комнаты стоит диван, символизирующий грех. Потом появляется тетка Аделаида. Ей положено изображать «вечно женское начало», и она бубнит что-то о своих воспоминаниях. В третьем эпизоде Жан, побродив где-то, укрывается у монахов, которые преподают ему урок «тщеславия», «идеологий». Появляется клоун Брехтоль, играющий роль... марксиста (!), а другой клоун Трипп—тоже сторонник какой-то из «идеологий». Затем оба они, поев по тарелке супа, яростно оплевывают и оханывают свою веру.

Потом в глубине сада появляется покнинутая жена и девочка: а Жан в благодарность за «просветление» служит монахам на коленях и тоже за неизменную тарелку супа.

Газета «Юманите», поместившая рецензию на эту пьесу под заголовком «Ионеско, кичащийся своим страхом», пишет: «Вновь проявивший свое бессилие «авангардист»... пытается трубить отходную всему человечеству».

Еще одно «выбранное место» из тирад Ионеско о сво-

боду (кажется, что оно написано Смердяковым): «Можно устроить блошиный цирк. Надо выдрессировать блох; первое, чего следует добиться, — это, чтобы блохи больше не прыгали. Накрывать блох стаканом. Блохи пытаются прыгать, бьются о стекло, снова падают. Начиная с определенного момента, они перестают прыгать. Можно убрать стакан. И вот блохи медленно ползают, обалдевшие, их можно подталкивать пальцем, дуть на них — они уже не скачут.

...Когда будут открыты все границы, когда мне вернут свободу, я, быть может, и не осмелюсь уже прыгать, из-за страха наткнуться на невидимый стакан».

Нельзя заподозрить Ионеско в оригинальности. Все его рассуждения, все его «творчество» — это причудливая смесь старого-престарого декаданса, экзистенциализма, фрейдизма, и прочих сомнительных «измов», словом, жажда, как сказано у Достоевского, «заголиться и обнажиться». Еще одно саморазоблачение модернизма.

К. КАРУМИДЗЕ.

Вег. Тбилиси, 1974, 26

марта.